

И.А. Чарушин в советский период: опальный архитектор или востребованный специалист?

П.А. Чемоданов,

Начальник отдела использования архивных документов отдела КПСС и общественных организаций КОГБУ «ЦГАКО»

Иван Аполлонович Чарушин по праву считается самым талантливым и знаменитым зодчим в истории Вятского края. Не является преувеличением и то утверждение, что архитектурный облик современного г. Кирова и некоторых других городов бывшей Вятской губернии до сих пор определяется зданиями, построенными по его проектам. По этой причине о жизни и творчестве И.А. Чарушина написано немало научных и популярных работ. Вместе с тем, в биографии архитектора до сих пор присутствуют дискуссионные вопросы, одним из которых является проблема отношения к нему советской власти в период после 1917 года. Кем был И.А. Чарушин для большевиков: ненавистным «буржуазным спецом» или уважаемым мастером своего дела?

Автор данной статьи, основываясь на документах Государственного архива социально-политической истории Кировской области и других источниках, попытается ответить на данный вопрос.

Для начала стоит заметить, что Иван Аполлонович встретил события 1917 года, находясь на пике своей карьеры. Он занимал должность Вятского губернского архитектора и имел чин статского советника, что согласно «Табели и рангах» предполагало потомственное дворянство. К тому времени И.А. Чарушин был уважаемым и заметным даже в масштабах страны архитектором и являлся автором многочисленных проектов храмов, особняков, учебных заведений, банков, магазинов и промышленных объектов. Кроме того, он и его семья занимали просторный особняк на улице Пятницкой г. Вятки.

С учетом приведенных фактов можно предположить, что приход к власти большевиков с их ненавистью к аристократии, буржуазии и царским чиновникам вряд ли вызвал у Вятского губернского архитектора восторг. Вместе с тем, он принял решение не уезжать из родного края и с первых дней советской власти проявлял к ней лояльность. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в 1918 году он был привлечен для работы в строительно-техническом отделе при Вятском губисполкоме в качестве заведующего, а в период наступления на Вятскую губернию войск адмирала А.В. Колчака занимался строительными работами по размещению войск и штабов Третьей армии Восточного фронта РККА в городах Вятке и Слободском[1].

После поражения колчаковцев в губернии наступил более спокойный период и И.А. Чарушин расширил сферу своей деятельности, начав заниматься музейным делом и деятельностью по учету и охране памятников архитектуры в регионе. При этом он продолжал основную работу на посту заведующего строительно-техническим отделом при губисполкоме, а с января 1919 года — в должности заведующего сектором городского, сельского и промышленного строительства Вятского губернского отдела Комитета государственных сооружений и общественных работ при ВСНХ (сокр. Комгосоор)[2].

Примечательно его письмо в Петроград от 26 мая 1920 года, сохранившееся в фондах Государственной Третьяковской галереи. В нем Иван Аполлонович пишет о своей работе в Губкомгосооре: «Дел на меня возлагается страшная масса, а материалов, инструментов и рабочих никаких... вместо 22-х инженеров всего 3, из которых я самый ответственный. Много дорожат и ценят меня, но Вы понимаете, что при этих условиях работать нельзя. Меня не отпускают и поэтому нельзя ли написать в Вятский Губернский Совет Народного хозяйства от Отдела для отозвания меня с должности Заведующего»[3]. Таким образом, мы видим, что Чарушина даже против его воли удерживали на высокой административной должности.

В то же время Ивану Аполлоновичу поручили важнейшую для новой власти работу по реализации ленинского плана «монументальной пропаганды» в г. Вятке. В 1919 году он создал первый в городе памятник павшим революционерам — обелиск, располагавшийся на месте нынешнего стадиона «Динамо». В последующие годы он, совместно со скульптором Н.И.

Шильниковым, работал над другим важнейшим проектом — памятником народовольцу С.Н. Халтурину, торжественное открытие которого состоялось в начале 1923 года с участием московской делегации.

Вместе с тем, в жизни И.А. Чарушина и его семьи в последние годы Гражданской войны было немало сложностей, которые не в последнюю очередь были связаны с жилищным вопросом. Во время «военного коммунизма» отдельный особняк уже считался аристократическим или буржуазным пережитком, поэтому дома богатых и успешных деятелей царского времени «уплотнялись», т. е. к прежним владельцам (если таковые оставались в доме) подсаживались соседи, чаще всего рабочие. Не избежала этого и семья Чарушиных, однако Иван Аполлонович получил право самостоятельного выбора соседей, поэтому в доме на улице Пятницкой в начале 1920-х гг. поселилась семья его друга — известного просветителя и краеведа А.С. Лебедева[4].

Однако и после этого попытки «уплотнить» семью И.А. Чарушина предпринимались властями. Показательно его письмо в Петроград Н.Г. Машковцеву от 3 июня 1920 г. Архитектор писал: «В Жилищн(ом) Отд(еле) наше дело выгорело: уплотнение моей и без того переполненной квартиры, как ответственного и необходимого работника, признано... не подлежащим исполнению. Но, тем не менее, привыкшие к бесконтрольным действиям, не взирая на это постановление высшей инстанции, наши Горсоветы... шлют милицию, чтобы её силами свалить нас в одну кучу и поселить Председателя Горсовета тов. Удалова. До сего времени борьба продолжается. Дело пошло в Губисполком. Там много моих сторонников, но и Удалов - видный советский, ярко определенного типа, работник. Ему прекрасно сходят с рук подобного рода дела и уплотнение квартир для себе подобных или для публичных женщин, занимающих прекрасные отдельные комнаты...»[5].

В 1922 году И.А. Чарушин оставил свою должность в Губкомгосооре и устроился на работу в Вятский государственный кожевенный трест на должность инженера-строителя (затем — главного архитектора), где проработал до ухода на пенсию в 1930 году. На первый взгляд, для столь талантливого и титулованного архитектора подобное место было «не по статусу», однако архивные документы рисуют другую картину.

В ГАСПИ КО, в фонде Вятского кожтреста, сохранилась ведомость заработной платы служащих и рабочих предприятия за ноябрь—декабрь 1922 года. Из нее мы узнаем, что Иван Аполлонович заработал за указанный период 155 тыс. руб. в дореформенных ценах, в то время как средняя зарплата 247 сотрудников кожтреста, включенных в ведомость, за тот же период составляла 72 тыс. руб., т. е., в два с лишним раза меньше[6]. Не самый низкий уровень зарплаты И.А. Чарушина сохранился и после денежной реформы 1922—1924 гг. Так, в его трудовом договоре с кожтрестом от 25 мая 1924 года была прописана зарплата размером в 160 золотых руб. [7], в то время как средняя зарплата по всей советской промышленности не превышала в тот момент 50 руб.

Если в плане доходов знаменитый архитектор в 1920-е гг., как и в дореволюционный период, явно находился на уровне «выше среднего», то в архитектурной деятельности он все же был вынужден заниматься проектами более мелкого масштаба. Об этом рассказывают два документа ГАСПИ КО: пояснительные записки к проектам утепления холодных сушил и столярной мастерской в районе им. В.И. Ленина (совр. поселок Вахруши Слободского района), написанные рукой И.А. Чарушина и датированные 1929 годом[8]. Вместе с тем, в конце 1920-х гг. им создаются и проекты крупных промышленных зданий, чертежи которых также сохранились в архиве, — шубно-овчинного завода в районе им. Октябрьской революции (территория будущего кожевенного комбината им. Октябрьской революции в г. Кирове) и подошвенно-полуваляльного завода в районе им. В.И. Ленина,[9] датирующиеся 1927 годом.

Примечателен еще один документ 1927 года — ходатайство Вятского кожтреста во Всероссийский Союз строительных рабочих о присвоении И.А. Чарушину звания Героя Труда. В ходатайстве говорилось: «Отдавая должное заслугам т. Чарушина в области строительства кожевенной промышленности и принимая во внимание его непрерывную полезную работу ... в течение 37 лет, а также учитывая его многостороннюю общественную деятельность..., настоящим Вяткожтрест поддерживает присвоение т. Чарушину вполне заслуженного звания Герой труда». Хотя нет никаких подтверждений тому, что архитектор был удостоен данного звания, сам факт

публичного обсуждения этого вопроса ставит под сомнение тезис о его «опальности» при советской власти.

Еще одним подтверждением этому являлся тот факт, что помимо архитектурной и музейной деятельности, Иван Аполлонович занимался в 1920-е гг. и педагогической работой: во времена Гражданской войны он преподавал в школе строительных десятников, а с 1922 года начал читать курс строительного дела в Вятском мелиоративном техникуме[10].

Как уже упоминалось, в 1930 году И.А. Чарушин закончил трудовую деятельность в кожтресте и в возрасте 68 лет вышел на пенсию. Следующее десятилетие стало для него временем возвращения к крупным архитектурным проектам. Так, в 1934 году по его проекту был построен деревянный летний театр на 1500 человек в парке имени С.Н. Халтурина, в 1935 году (также по его проекту) началась реконструкция здания Кировского пединститута, в 1936—1937 гг. было построено монументальное здание Центральной гостиницы в г. Кирове, а в 1937 году — жилой дом работников НКВД на 43 квартиры (перекресток улиц Ленина и Герцена)[11]. Еще один крупный проект И.А. Чарушина, — проект Дома Советов на Театральной площади г. Кирова, занял второе место в конкурсе, проиграв проекту Е.И. Громаковского, который в итоге и был реализован на указанном месте.

Помимо архитектурной деятельности, Иван Аполлонович участвовал в этот период в крупных общественных проектах. Об этом свидетельствует протокол заседания бюро Кировского крайкома ВКП(б) от 2 июня 1935 года. Одним из вопросов повестки дня упомянутого заседания было проектирование и установка памятника С.М. Кирову в региональном центре. В связи с этим планировалось провести конкурс проектов памятника, в жюри которого были включены первый секретарь Кировского крайкома ВКП(б) А.Я. Столяр и второй секретарь Кировского крайкома ВКП(б) С.П. Акопян, а также И.А. Чарушин[12]. Работа в одном жюри с первыми лицами региона также являлась показателем высокого статуса знаменитого архитектора.

Следующий пласт архивных документов ГАСПИ КО связан с деятельностью И.А. Чарушина в Кировском отделении Союза советских архитекторов. Как свидетельствуют источники, Иван Аполлонович был делегатом I Всесоюзного учредительного съезда этой организации от Кировской области, затем стал одним из первых членом Кировского отделения Союза советских архитекторов. Об этом свидетельствует его анкета члена Союза архитекторов, датирующаяся 1938 годом и являющаяся ценнейшим источником по биографии Чарушина[13]. Интересный факт: имя И.А. Чарушина фигурирует в протоколах собраний отделения ССА за 1938—1939 гг., затем исчезает вплоть до 1941 года. Это объясняется тем, что знаменитый архитектор, будучи пожилым человеком, в 1940 — начале 1941 года проживал у сыновей в г. Ленинграде, и только начало Великой Отечественной войны вынудило семью Чарушиных вернуться назад в Киров.

Несмотря на преклонный возраст и трудности военного времени, Иван Аполлонович продолжал активную общественную деятельность в годы Великой Отечественной войны. Так, в 1942 году он входил в жюри конкурса проектов памятника членам кировской делегации, погибшим по пути в Балтийский флот, что также говорит об уважении к нему со стороны местных архитекторов и региональных властей[14].

О почтительном отношении к известному зодчему и внимании к его нуждам со стороны коллег по архитектурной деятельности рассказывает еще несколько архивных документов. Одним из них является письмо кировских архитекторов в центральное Правление Союза советских архитекторов от 3 февраля 1944 года, содержащее просьбу о ходатайстве перед Наркоматом торговли СССР об улучшении питания И.А. Чарушина как заслуженного деятеля искусства. Письмо подписали председатель Правления Кировского отделения ССА А.А. Усачёв и секретарь отделения Б.И. Александров.

В письме говорилось: «В настоящее время за годы войны здоровье и силы т. Чарушина очень упали вследствие недостатка питания, он часто болеет и по временам лежит в больнице. Чтобы поддержать его здоровье, ему необходимо усиленное питание, а потому Кировский отдел ССА просит ... т. Чарушину как одному из старейших крупных архитекторов СССР, высококвалифицированному деятелю архитектуры, энергичному участнику социалистического строительства, за его громадные полувекковые заслуги перед родным его краем и г. Кировом, ...

дать литературное питание с сухим пайком, так как получаемое им питание местного значения ... является далеко недостаточным для поднятия его сил и здоровья»[15].

Судьбу этого ходатайства можно проследить по дальнейшей переписке местной архитектурной организации с Москвой. В частности, в ГАСПИ КО сохранилась копия ходатайства центрального правления Союза советских архитекторов в Кировский облторг об усилении питания И.А. Чарушина от 15 февраля 1944 года. Из следующего письма Кировского отделения ССА в центральное правление организации с просьбой о повторном ходатайстве перед Наркоматом торговли СССР по тому же вопросу ясно, что Кировский облторг отказался решать проблему, сославшись на отсутствие полномочий. Поэтому местные архитекторы просили руководство своего творческого союза направить повторное ходатайство об этом, на этот раз во всесоюзное ведомство[16]. Удалось ли решить проблему с питанием И.А. Чарушина до его смерти в 1945 году, из документов не ясно. Во всяком случае, кировские архитекторы делали для этого все, что могли, в тяжелых условиях военного времени.

Как свидетельствуют архивные документы, И.А. Чарушин скончался в Кирове 30 июля 1945 года в возрасте 83 лет. На следующий день после его смерти в «Кировской правде» был опубликован пространный некролог, подписанный известными кировскими архитекторами Н.И. Козловым, Ю.Т. Соленовым, Б.И. Александровым, Г.М. Лихачевым и др. В некрологе И.А. Чарушин был охарактеризован как «один из старейших архитекторов по городу Кирову и по всему Советскому Союзу» и «большой художник и мастер архитектуры». Там же говорилось, что в здании областного Художественного музея будет проведена гражданская панихида по покойному[17]. Как известно, после прощания Иван Аполлонович был с почестями похоронен на Лобановском кладбище г. Кирова, а на его могиле впоследствии был установлен памятник работы скульптора М.М. Кошкина.

Память об И.А. Чарушине была жива и в первые годы после его смерти. Показателен протокол заседания Правления Кировского отделения Союза советских архитекторов от 25 сентября 1945 года, одним из вопросов повестки дня которого была установка мемориальной доски в честь Ивана Аполлоновича Чарушина на «наиболее монументальном их построенных по его проектам» здании Центральной гостиницы г. Кирова[18]. Кировские архитекторы единогласно приняли решение об установке памятной доски, однако реализация данной инициативы была невозможна без санкции Кировского горисполкома. Документы ГАСПИ КО не позволяют проследить дальнейшую судьбу этого начинания местных архитекторов, однако факт установки какого-либо памятного знака в честь Чарушина на здании Центральной гостиницы не отразился и в других источниках. Во всяком случае, вопрос об увековечивании памяти И.А. Чарушина в г. Кирове всерьез обсуждался в послевоенное время.

Приведенные факты позволяют сделать некоторые выводы о жизни и творчестве И.А. Чарушина в советский период. Можно утверждать, что советская власть и в годы НЭПа, и в период сталинизма относилась в знаменитому вятскому зодчему как к ценному специалисту. Со стороны властей не было никаких препятствий для профессиональной, общественной и педагогической деятельности Ивана Аполлоновича. Напротив, в предвоенные десятилетия ему доверялись важнейшие архитектурные и общественные проекты в г. Кирове. Отношение к И.А. Чарушину в среде местных архитекторов также было исключительно почтительным. Возможно, прошлое Чарушина в качестве крупного царского чиновника и было преградой для получения им высших наград и званий СССР, однако он до самой смерти воспринимался как заслуженный и уважаемый деятель искусства.

Опубликовано: Чемоданов П.А. И.А. Чарушин и большевики: проблемы взаимоотношений архитектора с советской властью // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XVIII Межрегиональной научно-практической конференции. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2018. С. 58-66.

1 Андреева Е.А. Архитектор Иван Чарушин. Ижевск, 2007. С. 104.

2 Зырин Б.В. Архитектор Чарушин. Киров, 1989. С. 67.

3 Государственная Третьяковская галерея. Ф. 120. Д. 3794. Л. 2.

4 Жаравин В.С. А.С. Лебедев — просветитель и краевед. Киров, 2011. С. 93-94.

- 5 Государственная Третьяковская галерея. Ф. 120. Д. 3795. Л. 4.
- 6 Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. Р-6830. Оп. 1. Д. 101. Л. 205-208.
- 7 ГАСПИ КО. Ф. Р-6830. Оп. 2. Д. 1184. Л. 13.
- 8 ГАСПИ КО. Ф. Р-6830. Оп. 6. Д. 24. Л. 25,30.
- 9 ГАСПИ КО. Ф. Р-6830. Оп. 4. Д. 7. Л. 50, 52.
- 10 Зырин Б.В. Указ. соч. С. 76.
- 11 ГАСПИ КО. Ф. Р-6772. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-3.
- 12 ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 172. Л. 225.
- 13 ГАСПИ КО. Ф. Р-6772. Оп. 1. Д. 9. Л. 2-3.
- 14 ГАСПИ КО. Ф. Р-6772. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.
- 15 ГАСПИ КО. Ф. Р-6772. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
- 16 Там же. Л. 8-9.
- 17 Кировская правда. 1945. № 149. С. 4.
- 18 ГАСПИ КО. Ф. Р-6772. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.